

Екатерина I

Император Петр Великий скончался в ночь с 27 на 28 января.1725 года в своем маленьком кабинете-спальне на втором этаже Зимнего дворца. Он умирал долго и тяжело – страшные боли измучили его тело, ухищрения опытных врачей не помогали, и смерть для него стала избавлением от нечеловеческих страданий.

От постели умирающего не отходила императрица Екатерина Алексеевна – полная миловидная женщина с заплаканными глазами. Она стараась утешить супруга, но он почти не смотрел в ее сторону. Можно с уверенностью сказать, что в последние часы жизни не меньше физических страданий великого реформатора мучили тягостные размышления о будущем, о России. Петр создал великую империю и теперь, расставаясь с жизнью, он был в отчаянии, не знал, кому передать великое наследие – трон и империю. И никто на свете не мог облегчить ни телесных, ни душевных страданий великого царя. Вокруг него толпились родные, сподвижники, старые товарищи, но в смертный час ему не на кого было опереться, не на ком с надеждой остановить взгляд. Существует легенда о том, что перед смертью Петр пытался написать завещание, но смог нацарапать на бумаге только два слова: «Отдайте все...», и рука больше не слушалась его. Факты говорят, что эта легенда недостоверна. Последнее, что услышал из уст императора архиепископ Феофан Прокопович, было слово «ПОСЛЕ», которое умирающий сопровождал нетерпеливым, резким жестом руки. «Уйдите все, оставьте меня в покое, лотом, после я все решу, после!...» – вот что, вероятно, он хотел сказать людям, склонившимся над ним. Но «после» не наступило никогда. Кончилась великая эпоха, наступали новые, тревожные времена...

Впрочем, они, эти времена, наступили уже за несколько часов до смерти Петра. За стенами кабинета, где он умирал, давно царили смятение и тревога – отсутствие завещания Петра создавало драматическую ситуацию, судьба императорского престола должна была решиться в столкновении придворных «партий» – группировок знати, высшего чиновничества и генералов. Таких «партий» было две. Одну составляли сподвижники царя-реформатора, государственные деятели, пришедшие к власти благодаря своим способностям и особой милости Петра, который приближал к себе только преданных и деловых людей, независимо от их происхождения.

Первым из таких сподвижников Петра по праву считался светлейший князь, а в прошлом – сын придворного конюха, Александр Данилович Меншиков. Почти ровесник Петра, он долгие годы был первым фаворитом царя и многого достиг благодаря своей преданной службе государю. Союзниками Меншикова выступали люди тоже очень влиятельные; канцлер империи граф Г.И. Головкин, один из руководителей Синода архиепископ Феофан Прокопович, начальник Тайной канцелярии граф П.А. Толстой, генерал-прокурор Сената граф П.И. Ягужинский, а также личный секретарь Петра А.В. Макаров. Все это были «новые», незнатные люди, власть и влияние которых могли окончиться со смертью Петра.

Поэтому они, несмотря на внутренние распри, сумели быстро объединиться вокруг императрицы Екатерины, жены Петра, которая была также незнатна по происхождению, зависима от милостей царя, но при этом инициативна, смела и решительна.

В один из тех редких моментов, когда Екатерина покинула спальню умирающего мужа, сановники провели совещание с ее участием, на которое также пригласили несколько гвардейских офицеров. Несчастный вид Екатерины, ее трогательные и ласковые слова, обращенные к ним – осиротевшим птенцам «гнезда Петрова», наконец, щедрые посулы – все это сыграло свою роль, и гвардейцы обещали помочь Екатерине вступить на престол и не подпустить к нему кандидата другой «партии», великого князя Петра Алексеевича.

Несмотря на то что великому князю – внуку Петра Великого и сыну покойного царевича Алексея Петровича – шел всего лишь десятый год, для «новых людей» он был опасен. За ним была традиция престолонаследия по мужской нисходящей линии от деда к внуку, его поддерживала недовольная петровской политикой родовитая знать – князья Долгорукие, Голицыны и другие. На стороне внука Петра Великого были симпатии всех, кто хотел смягчения жесткого режима, кто мечтал о передышке в той бешеной гонке, которую некогда навязал России Петр.

Обе придворные партии были готовы поспорить за власть, но все ждали, когда Петр навеки закроет глаза. Голштинский сановник граф Г.Ф. Бассевич – участник и свидетель событий драматической ночи 28 января, писал впоследствии «Ждали только минуты, когда монарх испустит дух, чтобы приступить к делу. До тех пор, пока оставался в нем еще признак жизни, никто не осмелился начать что-либо: так сильны были уважение и страх, внушенные всем этим героем». Это очень точные слова – магия личности Петра была необычайно сильна. Разум также призывал к ожиданию – не раз в истории случалось, что, казалось бы, умирающий правитель вдруг выздоравливал, и горе было тому, кто возомнил что настал его миг.

Но вот врачи констатировали окончание агонии – отныне Петр принадлежал не людям, а Богу и истории. Начался последний акт политической драмы. В ярко освещенный зал Зимнего дворца съехались его участники и зрители: сенаторы, президенты коллегий, церковные иерархи, генералы и старшие офицеры. Толпа возбужденно гудела. Вдруг наступила тишина – открылись двери и к собравшимся быстро вышли Меншиков, Головкин, Макаров, а следом за ними появилась и сама императрица. Прерывающимся от рыданий голосом Екатерина объявила всем собравшимся ожидаемую весть – государь и ее возлюбленный супруг «отошел в вечное блаженство», оставив подданных сиротами. В этот момент, как и много раз раньше, она собрала всю свою волю, держалась мужественно и в конце своей краткой речи дала всем понять, что будет достойно продолжать дело императора, заботясь о подданных и благе империи, как Петр, который столько лет делил с ней трон.

Екатерина сделала все, что смогла, в этой ситуации и, поддерживаемая под руки придворными, в слезах покинула зал. Вперед вышел Меншиков и уверенно повел это ночное заседание. Когда присутствующие узнали, что Петр, умирая, не оставил никаких письменных или устных распоряжений о наследнике, всех охватило волнение. В таком случае по традиции новый самодержец избирался общим собранием «государства» – так в России называли высших военных и гражданских сановников и иерархов Церкви. Но подобное коллективное решение было невозможно для партии Екатерины – слишком много сторонников было у великого князя Петра. Поэтому Меншиков и его союзники стали убеждать присутствующих признать, что престол теперь попросту переходит ко вдове императора, которую Петр весной 1724 года короновал императорской короной. Спор ожесточался, компромисс найти было трудно... И тут сработало «секретное оружие» партии Меншикова – подошли гвардейцы. Возле Зимнего вдруг раздался грохот полковых барабанов, все бросились к окнам и сквозь затянутые сеткой инея стекла увидели, как мелькают перед дворцом зеленые гвардейские мундиры, а потом в зал повалили разгоряченные солдаты. Все предложения партии великого князя Петра тонули в приветственных выкриках гвардейцев в честь «матушки государыни» и бесцеремонных угрозах «расколоть головы боярам», если они не подчинятся Екатерине. Улучив подходящий момент, Меншиков, перекрывая шум, громко крикнул: «Виват, наша августейшая государыня императрица Екатерина!» – «Виват! Виват! Виват!» – подхватили гвардейцы. «И эти последние слова, – вспоминает Бассевич, – в ту же минуту были повторены всем собранием, и никто не хотел показать виду, что произносит их против воли и лишь по примеру других». Все быстро и бескровно кончилось – на престол взошла императрица Екатерина I, к восьми часам утра был оглашен манифест о ее воцарении, гвардейцам раздавали водку...

И вот здесь сделаем небольшое отступление. 28 января 1725 года гвардейцы впервые сыграли свою политическую роль в драме русской истории. Создавая в 1692 году гвардию, Петр хотел противопоставить ее стрельцам – привилегированным пехотным полкам московских царей, которые к концу XVII века стали вмешиваться в политику. «Янычары!» – так презрительно называл их Петр. У него были причины для ненависти – навсегда он, десятилетний мальчик, запомнил жуткий стрелецкий бунт 1682 года, когда на копьях стрельцов погибли его ближайшие родственники. Но не успел основатель и первый полковник Преображенского полка закрыть глаза, как его любимцы в зеленых мундирах превратились в новых янычар. История русской гвардии XVIII века противоречива. Прекрасно снаряженные, образцово вооруженные и обученные, гвардейцы всегда были гордостью и опорой русского престола. Их мужество, стойкость, самоотверженность много раз решали в пользу русского оружия судьбу сражении, кампаний, целых войн. Но есть и иная, менее героическая страница в летописи императорской гвардии. Гвардейцы, эти красавцы, дуэлянты, волокиты, избалованные вниманием столичных и провинциальных дам, составляли особую привилегированную воинскую часть русской армии со своими традициями, обычаями, психологией. Главной обязанностью гвардии была охрана покоя и безопасности самодержца, царской семьи и двора. Стоя на часах снаружи и внутри царского дворца, они видели изнанку придворной жизни. Мимо них в царские спальни прокрадывались фавориты, они слышали сплетни и видели безобразные ссоры, без

которых не мог жить двор. Гвардейцы не испытывали благоговейного трепета перед блестящими золотом и бриллиантами придворными, они скучали на пышных церемониях – для них все это было привычно, и обо всем они имели свое, часто нелицеприятное мнение.

Важно и то, что у гвардейцев было преувеличенное представление о своей роли в жизни двора, столицы, России. И тем не менее оказывалось, что «свирепыми русскими янычарами» можно успешно управлять. Лестью, посулами, деньгами ловкие придворные дельцы умели направить раскаленный гвардейский поток в нужное русло, так что усатые красавцы даже не подозревали о своей жалкой роли марионеток в руках интриганов и авантюристов. Впрочем, как обоюдоострый меч, гвардия была опасна и для тех, кто пользовался ее услугами. Власть императоров и первейших вельмож нередко становилась заложницей необузданной и капризной вооруженной толпы гвардейцев. И вот эту будущую зловещую в русской истории роль гвардии пронизательно понял французский посланник в Петербурге Жан Кампредон, написавший своему повелителю Людовику XV сразу же после вступления на престол Екатерины I: «Решение гвардии здесь закон». И это была правда. XVIII век вошел в русскую историю как «век дворцовых переворотов». Все эти перевороты делались руками гвардейцев, начало же мрачной традиции было положено глухой январской ночью 1725 года...

Утро 28 января 1725 года Петербург встречал уже под властью новой государыни. Кто же была императрица Екатерина I Алексеевна? Откуда родом? «Екатерина – шведка!» – утверждала историк Н. Белозерская. Будущая русская императрица родилась в Швеции в семье армейского квартирмейстера Иоганна Рабе, была окрещена по лютеранскому обряду и названа Мартой. После смерти мужа мать Марты перебралась с девочкой в Лифляндию – тогдашнюю провинцию Швеции – и поселилась в Риге, где вскоре умерла. Девочка-сирота попала в приют, откуда ее взял пастор Глюк – личность известная в маленьком лифляндском городке Мариенбурге (ныне Алуксне, Латвия), что стоит на дороге Рига – Псков. Есть некоторые факты, которые могут подкрепить мнение Белозерской. В одном из писем своей жене Петр, поздравляя ее с годовщиной взятия в 1702 году шведской крепости на Неве – Нотебурга, в шутку писал, что с занятием этой первой шведской крепости «русская нога в ВАШИХ землях фут взяла». В 1725 году в разговоре с Кампредоном Екатерина, не желая, чтобы окружающие ее поняли, вдруг перешла на шведский язык, которым французский дипломат владел свободно.

Оппоненты «шведской версии» – а их легион – резонно возражают, что здесь нет ничего странного: Лифляндия почти сто лет была шведской провинцией, шведский был там официальным языком, а Марта-Екатерина была подданной шведского короля. Этим-то и объясняется шутка Петра и знание ею шведского языка. Большая часть ученых убеждена, что Екатерину действительно ранее звали Мартой Скавронской, она происходила из латышских крестьян и родилась в Лифляндии 6 апреля 1684 года, а осиротев, попала в дом пастора Глюка. Именно с этого момента противоречий в показаниях исторических документов становится все меньше, хотя самих этих документов недостаточно для

уверенных выводов. Много в ранней истории жизни Марты скрыто от нас в тумане неизвестности. Мы не знаем, чему и как учили ее в детстве и юности, но можно предположить, что это были лишь начальные познания в чтении, письме, арифметике. Впрочем, в грамотности Екатерины можно сомневаться – по-русски она выучилась только говорить, но не писать, и даже самые интимные ее письма к Петру написаны рукой придворного писца. Ясно лишь одно – девочка-сирота в многолюдном доме пастора была прислугой, работала на кухне и в прачечной. Природа даровала ей телесную крепость, и в девятнадцать лет Марта выглядела здоровой, красивой девушкой, что не осталось без внимания молодых людей – претендентов на ее руку.

Вообще же юность Марты пришлась на печальную эпоху в истории Лифляндии. В 1700 году началась Северная война России против Швеции, и с 1701 года на Южную Лифляндию стала надвигаться русская армия под командованием фельдмаршала Б.П. Шереметева. Беженцы приносили в Мариенбург плохие вести – русские сжигали все на своем пути, уводили в плен жителей. Сил же для обороны Лифляндии у шведов было мало. Но, несмотря на надвигающуюся беду, жизнь продолжалась. Летом 1702 года Марта вышла замуж за шведского солдата-трубача. Увы, молодоженам не удалось насладиться семейным счастьем – в августе муж Марты отправился в Ригу, а в это время войска Шереметева замкнули кольцо осады вокруг Мариенбурга – война, так много изменившая в жизни будущей русской императрицы, вплотную подошла к порогу ее дома. Русские войска даже не успели начать осады Мариенбурга, как комендант этой старой и слабой крепости майор Тиль решил сдаться на милость победителя, оговорив почетные условия капитуляции: свободный выход гарнизона и жителей. Шереметев согласился, Тиль вышел из крепости и подписал договор о ее сдаче, русские войска начали входить в город, а гарнизон и жители со своим скарбом его покидать. Все шло спокойно и мирно, как вдруг... грянул непредвиденный взрыв, резко изменивший судьбу тысяч людей, и Марты в их числе.

Обратимся к «Журналу, или Ежедневным запискам» Петра Великого, куда вносились все мало-мальски приметные события Северной войны 1700–1721 годов: «Комендант майор Тиль да два капитана вышли в наш обоз для отдания города по акорду, по которому акорду наши в город пошли, а городские жители стали выходить вон. В то же время от артиллерии капитан Вульф, да штик-юнкер, вшед в пороховой погреб (куда штик-юнкер и жену свою неволею с собою взял), и порох зажгли, где и сами себя подорвали, от чего много их и наших людей побито, за что как гарнизон, так и жители по договору не были отпущены, но взяты в полон». Когда раздался оглушительный взрыв, содрогнулась земля и обломки крепостных сооружений стали падать на головы русских солдат, Шереметев порвал договор о добровольной сдаче крепости. Это означало, что Мариенбург отныне считался городом, взятым штурмом, и поэтому отдавался на «поток» – разграбление победителей. Жители и гарнизон в этом случае поголовно признавались пленными. Так и произошло в Мариенбурге. По общему сигналу русские солдаты бросились в город. Раздались крики, стрельба. Солдаты грабили дома, хватали подряд всех жителей – мужчин, женщин, детей. Они тащили вещи в лагерь, туда же вели пленных. Одновременно начался оживленный торг и обмен трофеями. Печальна была участь пленных в России того

времени. По древнему обычаю они становились рабами тех, кто их захватил. Иностранец путешественник де Бруин писал о том, что в Москве осенью 1702 года после окончания кампании в Лифляндии стоимость пленных-рабов упала до трех гульденов за голову. Среди «лифляндского полона» оказалась и Марта. Но ее не привели в толпе живого товара в Москву и не продали за гроши, ее ждала иная судьба...

Екатерина «не природная и не русская, – говорил в 1724 году своим приятелям отставной капрал Василий Кобылин, – и ведаем мы, как она в полон взята, и приведена под знамя в одной рубашке, и отдана под караул, и караульный наш офицер надел на нее кафтан». Она же обвинялась Кобылиным в том, что «с князем Меншиковым Его величество (Петра) кореньем обвела». Слух об этом типичен и широко распространен в среде простого народа. Современник, со слов очевидцев, рассказывает, что Марта попала к некоему капитану Бауеру как подарок захватившего ее подхалима солдата который смекнул, что таким способом он сможет выслужиться в унтер-офицеры. А потом и Бауер, движимый теми же мотивами, подарил красивую девушку самому фельдмаршалу Шереметеву. Разумеется, мы не знаем, что испытывала при этом Марта – еще недавно свободный человек, – но можно догадываться, сколь ужасно было ее положение. У престарелого по тем временам пятидесятилетнего Шереметева Марта прожила не меньше полугода, числясь в прачках, но фактически выполняя роль наложницы.

В конце 1702 года или в первой половине 1703 года она попала к Александру Меншикову. Как ее приобрел бойкий, разбитой любимец Петра, мы не знаем, но скорее всего он попросту отнял милостивую девицу у фельдмаршала, да еще, наверное, пристыдил старика за неприличное для его почтенных лет сластолюбие – обычно светлейший князь не церемонился с подданными своего повелителя, был с ними нагл и дерзок. У самого Меншикова Марта прожила тоже недолго. К этому времени светлейший князь надумал остепениться, и у него появилась невеста из приличной дворянской семьи – Дарья Арсеньева. Связь с лифляндской наложницей могла повредить Меншикову, думавшему о респектабельном будущем. Случилось так, что Петр, бывая в доме у своего фаворита, познакомился с Мартой...

В откровениях капрала Кобылина есть мысль, что Екатерина с помощью Меншикова и колдовства приворожила царя к себе. Конечно, никакого приворотного зелья не было, но два факта достойны нашего особого внимания. Факт первый. На всю жизнь Екатерина и Меншиков сохранили тесную дружбу. Впоследствии, уезжая в походы вместе с царем, именно светлейшему князю и его семье Екатерина поручала самое дорогое, что у нее было, – детей, и за их судьбу она могла быть спокойна – надежный Алексашка никогда не подводил ее, дети были окружены заботой и вниманием. Императрица писала светлейшему шуточные письма, дарила ему подарки. Когда же нечистый на руку Меншиков попадался и над ним начинала раскачиваться петля виселицы, императрица

приходила ему на помощь и отговаривала царя от крутой расправы с сиятельным казнокрадом. И он, соответственно, платил Екатерине той же монетой. Она всегда могла опереться о его верное и надежное плечо. Речь не шла здесь о любовной связи или теплых воспоминаниях старой, поросшей быльем любви. Меншикова и Екатерину объединяло иное – общность их судьбы. Оба они, выходцы из низов, презируемые и осуждаемые завистливой знатью, могли уцелеть, лишь поддерживая один другого. Эта дружеская, доверительная связь сообщников, собратьев по судьбе была прочнее и долговечнее иной интимной близости.

Факт второй, также навеянный рассказом капрала Кобылина о приворотном зелье. Привязанность царя к Марте-Екатерине была такой сильной и долгой, что многим современникам казалось – было какое-то приворотное зелье, не могло не быть! Как бы иначе лифляндская пленница могла поймать в свои сети грозного царя, который впоследствии по этому поводу беззлобно шутил в письме к жене: «Так-то вы, Евины дочки, делаете над стариками!»

Однако всему есть и свое прагматическое объяснение. Оно лежит в истории жизни Петра до того самого дня, когда он в доме Меншикова увидел Марту. Ведь до этого семейная жизнь Петра складывалась плохо. В 1689 году, едва царю исполнилось семнадцать лет, его женили на Евдокии Лопухиной. Это был брак по расчету, сделанному придворной группировкой матери Петра, вдовой царицы Натальи, которая в тот момент упорно интриговала против партии правительницы царевны Софьи, стремившейся оттеснить Петра и его семью от власти. С самого начала молодожены оказались игрушками в руках придворных интриганов, и их чувствами, естественно, никто не интересовался. Под одной крышей супруги прожили почти десять лет. Евдокия родила трех сыновей, из которых выжил, на свое несчастье, только царевич Алексей. Брак не был счастливым. Лопухина была явно не пара Петру, они как бы жили в разное время, в разных веках: Петр в европейском XVIII веке, с его свободой, открытостью, прагматизмом, а Евдокия, воспитанная в традициях патриархальной православной семьи, оставалась в русском XVII веке, требовавшем от женщины только покорности, богобоязненности, следования обычаям и предписаниям Домостроя. В семейной драме Петра отразился общественный разлом, серьезный социальный и нравственный конфликт – неизбежное следствие радикальных преобразований и революций. Порывистость, бесцеремонность, эгоизм Петра сталкивались с упрямством и недовольством Евдокии – особы самолюбивой, строптивой и волевой. Петр все чаще уезжал из дворца на верфи, полевые учения, отправлялся в дальние путешествия, а Евдокия, не желавшая менять свой устоявшийся веками стиль жизни русской царицы, сидела, поджидая мужа, в Москве. Пропасть между супругами с годами все углублялась. Петру, с его интересами и вкусами, была нужна для счастья другая женщина – одетая по новой моде, веселая и ловкая партнерша в танцах, отважная спутница в тяжелых походах, помощница в непрестанных трудах. Развязка наступила в 1698 году. Возвращаясь из заграничного путешествия по Европе, царь распорядился отправить жену в монастырь так, чтобы в Москве и духа ее не было. С тех пор царь стал открыто ездить в Немецкую слободу, в дом виноторговца Монса, где жила его любовница Анна Монс, Анхен. Их когда-то познакомил ближайший приятель царя

швейцарец Франц Лефорт – человек веселый, добрый, компанейский. Но и в доме Анхен Петр не нашел счастья. Прелестная белокурая красавица Анхен только внешне отвечала мечтам Петра. Анхен была заурядной мещанкой, бюргершей, которой хотелось состоятельной, размеренной, тихой жизни в уютном доме. Любовь Петра открывала перед ней головокружительные горизонты славы, богатства, почета. Она могла бы стать русской царицей! Намерения Петра были серьезны – несколько лет спустя после разрыва с Анхен, в 1707 году, он с досадой говорил жениху Анны прусскому посланнику Кейзерлингу, что он «воспитывал девицу Монс для себя с искренним намерением жениться на ней». Этому можно поверить – ведь женился же он на незнатной Екатерине и сделал ее, вчерашнюю прачку, царицей. Для Анхен связь с царем была фантастической удачей, но она ею не воспользовалась. Секрет прост – Анхен не любила царя и не могла преодолеть в себе неприятия его довольно диких повадок и тяжелого характера. Она не хотела делить с царем его безумную, беспокойную, часто хмельную и опасную жизнь вечного странника в собственной стране. В 1702 году утонул саксонский посланник в России Кенигсен, и в его бумагах обнаружили любовные письма от Анхен. Царь был вне себя от горечи и досады. Он приказал посадить Анхен и ее родственников под домашний арест и продержал их так несколько лет. С 1702 года Петр уже не встречался с Анхен, но мы знаем точно, что еще долго он переживал разрыв со своей первой любовью.

Екатерина была женщиной совсем другой, чем Евдокия или Анхен. Рано вырванная из привычной для нее традиционной почвы, с детства познавшая и добро и зло, она обладала редкостным умением приспособиться к жизни. С равным успехом она могла стать верной женой шведского трубача, безропотной прачкой старого фельдмаршала, любовницей Меншикова. Спокойно приняла она и предназначение судьбы стать царицей – все зависело от обстоятельств жизни.

Марта интуитивно нашла единственно верный путь к сердцу Петра и, став поначалу одной из его метресс, долго, шаг за шагом, преодолевала его недоверие и боязнь ошибиться, и в конечном счете достигла своей цели.

Первый раз Екатерина упоминается в письме Меншикова, который находился с Петром в Ковно (Каунасе) весной 1705 года. Шла война. Меншиков написал в Москву письмо своей невесте Дарье Арсеньевой и передал приказ Петра прислать в Ковно «Катерину Трубачеву, да с нею других двух девок немедленно же» для того, чтобы они привели в порядок скромный гардероб царя, постирали и что-то заштопали из его одежды. Как мы видим, Екатерина, получившая фамилию по воинской профессии своего первого мужа (от слова «трубач»), упоминается в числе других «девок». Но примечательно, что девок для штопки и стирки предписано прислать из Москвы – как видно, ближе найти было невозможно, или, может быть, они лучше стирали и штопали? То, что Екатерина была поначалу прислугой Петра, видно и из шутки императрицы, которая много лет спустя в письме супругу, намекая на новых метресс царя, пишет, что, может быть, еще и она, «старая портомоя», ему пригодится.

Примерно с 1705 года положение Екатерины начинает меняться. Петр – это чрезвычайно важно – признал детей, которых она рожала. В марте 1705 года царь писал Дарье Арсеньевой и ее сестре Варваре – подружкам Екатерины: «Пожалуйте, матушки, матушки, не покиньте Петрушки... прикажите сделать сыну моему платье и... прикажите, чтоб ему было пить-есть довольно». Осенью того же года Екатерина родила второго сына, Павла, и в одном из писем приказала поставить такую подпись – «Сам-треть», то есть она и двое детей. Павел и Петр вскоре умерли. Но несчастья не расстроили отношений царя с Екатериной. Он все сильнее привязывался к ней и всегда находил время, чтобы послать маленький гостинец или короткую записку о своей жизни. Писал он и в Преображенское – подмосковный дворец, где несколько первых лет прожила Екатерина.

Преображенское было отчим домом Петра. Здесь, изгнанный царевной Софьей из Кремля, он провел свое детство и юность. В Преображенском жила до самой смерти в 1692 году его мать царица Наталья. В первые годы Северной войны в Преображенском жила младшая сестра Петра, Наталья – его самый близкий после смерти матери человек. О Преображенском говорили как об островке нового европейского быта и светского обхождения. На всю Москву был известен и придворный театр в Преображенском – зрелище редкое, необыкновенное в тогдашней России. Его создателем и режиссером была сестра Петра.

Вокруг общительной и доброжелательной сестры Петра сложился кружок молодых женщин, близких ей по духу и интересам. Среди них выделялись Анисья Толстая и две сестры Арсеньевы, одна из которых – Дарья – ходила в невестах Александра Меншикова. Здесь же были и две родные сестры светлейшего князя. Не случайно, что именно сюда – в Преображенское, к сестре и ее кружку, и пристроил Петр свою лифляндскую пленницу Марту. В дружеском, мирном окружении ее обучали обычаям России, языку. Ее назвали новым именем – Екатерина Алексеевна. Отчество она приняла от своего крестного отца – юного царевича Алексея Петровича, своего будущего пасынка и заклятого врага.

Поначалу Петр не писал самой Екатерине, он обращался более к Наталье, прося передать приветы «как оружие носящим, так и иглу держащим». Среди последних подразумевалась Екатерина. Все окружающие прекрасно видели, кто властно влечет царя в Преображенское, к кому он спешит из дальних походов. Преображенский период жизни Екатерины был для нее испытательным сроком. И она его успешно выдержала. Своей милой, мягкой манерой поведения, трудолюбием и неприхотливостью Екатерина понравилась окружающим, и однажды кто-то из близких родственников посоветовал царю бросить свои скитания и жениться на ней. К этому дело шло уже давно. Петр и Екатерина фактически состояли в браке, правда, не в церковном. Но зато он был реальным и прочным. В январе 1707 года Петр, находясь в походе, получил известие о рождении дочери Екатерины. В письме Екатерина-старшая шутила по этому поводу: рождение девочки – хорошая примета – к миру. Шел самый сложный период Северной войны,

шведы изгнали русскую армию из занятой ими Польши, и Карл XII готовил вторжение в Россию. Положение было крайне опасное, Петр искал мира с Карлом, но тот, воинственный и кровожадный, упрямо не замечал протянутой для мира руки Петра. Царь живо отозвался на шутку Екатерины: «Если так станетца, то мочно болше раду быть дочери, нежели двум сынам».

Не будем забывать при этом, что мужчина-монарх всегда мечтает прежде всего о наследниках-мальчиках. Надо думать, Петр был благодарен Екатерине за уместную шутку, заботу, тонкое понимание его проблем. Но мир в январе 1707 года был так же далек, как и в начале войны, – тогда царь не знал, что война будет тянуться еще целых четырнадцать лет! В январе 1708 года, когда Карл перешел в решительное наступление, положение стало почти отчаянным – Петр буквально бежал из Гродно всего за два часа до захвата шведами города. К этому времени относится торопливая записка царя, которую нужно было понимать как завещание: если что с ним случится, то «отдать Катерине... и з девочкою» три тысячи рублей. Это было все, что он, солдат, идущий в смертельный бой, мог сделать для близкого ему человека.

Письма тех тревожных лет больше напоминают поспешные записки любящих о встречах, которые все время приходится переносить, отменять, скучая и тревожась долгим молчанием дорогого человека, ловя обрывки смутных слухов. «В одной правой руке, – писал Петр Екатерине в 1712 году, – принужден держать шпагу и перо, а помочников сколько, сама знаешь». Да и Екатерина помочь ему не могла, она могла лишь посочувствовать, поддержать.

Наконец наступил 1709 год – год блистательной победы русской армии над шведами под Полтавой. Могущество Карла XII было сломлено окончательно и бесповоротно. Колесо войны покатило уже с востока на запад, все разом перевернулось. Уверенность и спокойствие появляются в Петре – победителе короля-викинга. Царь спокоен за свою юную, основанную в 1703 году столицу Санкт-Петербург, он устраивается здесь навсегда, перевозит в новый город учреждения, спешит с застройкой его улиц, укрепляет морскую крепость Кронштадт. Перевозит в Петербург он и членов семьи Романовых. С ними приезжает в Петербург Екатерина. Теперь она все чаще и чаще с царем. Правда, с детьми им по-прежнему не везет – они умирают один за другим в младенческом возрасте. Но родители по обычаю тех времен относятся к этому спокойно: «Бог дал – Бог и взял», будут еще и новые дети. Так успокаивает царь Екатерину в одном из своих писем. В 1708 году родилась дочь Анна, а 18 декабря 1709 года – Елизавета. Прошло полгода, и 1 мая 1710 года Петр плыл в финских шхерах на новом корабле, носящем имя его дочери – «Лизета», и писал письмо Екатерине, в котором передавал приветы своей большой семье – так круто перевернулась холостяцкая жизнь царя: «Отдай мой поклон... сестре, невестке, племянницам и прочим, и домашним; маленьких поцалуй, а наипаче всех и наиболее всех и наивяще всех поклонись... четверной лапушке». Так называл он младшую и самую любимую дочь Елизавету, которая только что начала ползать на четвереньках.

Прошел еще год, и весной 1711 года началась война с Турцией – мощным южным соседом. Эта война была тяжелой для России: воевать на два фронта – со шведами и турками – было опасно. И Петр устремился на юг, чтобы увести войну с турками подальше от Украины и Польши – основного театра военных действий Северной войны. Дурные предчувствия мучили царя перед этим походом, «которого конец Бог весть», как писал он Меншикову, оставшемуся в Петербурге. Перед самым отъездом – а в поход он взял с собой Екатерину – он сделал то, к чему был давно готов, – объявил о помолвке с ней и уже с дороги писал Меншикову, в петербургском дворце которого бегали его дочери Аннушка и Лизонька, чтобы верный Александр позаботился о них, если девочки останутся сиротами. Ну а если Бог будет милостив и дарует победу или хотя бы благополучное возвращение домой, то гулять им на свадьбе Петра и Екатерины в «парадизе» – так называл царь свой Петербург – скромный еще городок на берегу Невы.

В начале июня 1711 года турки сумели окружить русскую армию в Молдавии на реке Прут. Их численное превосходство, непрерывный плотный огонь, нехватка боеприпасов, продовольствия и воды у русской армии – и все это под палящим молдавским солнцем – сделали несколько дней блокады сущим адом для триумфаторов Полтавы, рассчитывавшим на легкую победу. Наиболее драматичной стала ночь с 10 на 11 июля, когда, после долгих переговоров и переписки, Петр, отчаявшись заключить с турками сколько-нибудь приемлемый мир, прервал многочасовой военный совет и приказал генералам готовиться наутро к прорыву. Это было смертельно опасно, для ослабленной русской армии прорыв через позиции турок мог кончиться катастрофой, гибелью лучших войск, пленением самого царя и крушением для новой России всех достижений, а также надежд на будущее.

В этот момент Екатерина проявила мужество, волю и находчивость. Пока Петр отдыхал перед утренней атакой, она, не спросив у мужа, вновь собрала военный совет, которой показал крайнюю опасность принятого решения о прорыве. Затем она разбудила Петра и уговорила его написать еще одно, последнее письмо турецкому главнокомандующему – визирю Мехмет-паше. К этому письму, как свидетельствует легенда, тайком от царя Екатерина приложила все свои драгоценности. Возможно, это и решило дело – утром визирь дал согласие на переговоры и заключил с русскими мир. Кошмар Прута для русских закончился.

Двадцать четвертого ноября 1714 года, награждая жену только что учрежденным орденом Святой Екатерины, Петр сказал, что этот орден «учинен в память бытности Ея величества в баталии с турки у Прута, где в такое опасное время не яко жена, но яко мужская персона видима всем была». Позже, в указе 1723 года о коронации Екатерины, он вновь вспомнил злосчастный Прут и мужество своей боевой подруги. К этому времени супруги совершили немало походов и только что вернулись из дальнего и опасного военного путешествия в Персию – Персидского похода, где Екатерина была, как всегда, спокойна, терпелива и

рассудительна. Тяжелее всего Екатерине давались морские походы – очевидно, она не выносила морской качки, так что царь часто отправлялся в плавание один, регулярно посылая ждущей его на берегу жене записки о своих делах и самочувствии, благодарил за присланные сладости, бутылочку вина или клубнику.

По возвращении из Прутского похода, в феврале 1712 года произошло долгожданное событие – венчание и свадьба Петра и Екатерины. Это была нетрадиционная царская свадьба с ее пышными и долгими церемониями, а скромная свадьба контрадмирала Петра Михайлова – под таким именем проходил Петр службу на флоте. В посаженные отцы он, как почтительный служака, пригласил своего непосредственного морского начальника, вице-адмирала Корнелия Крюйса, а также других адмиралов и высших офицеров. Среди немногочисленных гостей, приглашенных на венчание в придворную церковь дворца Меншикова, были моряки, кораблестроители и их жены. Ближними девицами, которые несли за Екатериной шлейф, выступали две прелестные, изящные и важные особы. Одной было пять, а другой – три года: это были дочери Анна Петровна и Елизавета Петровна. Обойдя с матерью вокруг аналая, они становились законными детьми супругов. «Но так как вся церемония слишком бы утомила этих малолетних принцесс, – с искренним огорчением отмечает английский посланник Чарльз Уитворт, – они показались только на короткое время, а затем были заменены двумя племянницами царя».

Памятный февральский день 1712 года царь провел так, как всегда мечтал: собрал приятных ему гостей, венчался в уютной церкви, а потом, опередив всех, помчался в свой дворец, где был накрыт свадебный стол, и вместе со слугами вешал над столом новую люстру на шесть свечей, которую долгие месяцы точил на токарном станке. «Общество было блистательным, – закончил свое донесение о свадьбе русского адмирала Уитворт, – вино превосходное, венгерское, и, что особенно приятно, гостей не принуждали пить его в чрезвычайном количестве... Вечер закончился балом и фейерверком...»

Итак, уже никто не имел права обращаться к Екатерине иначе как к «Ее царскому величеству», и как бы знатен ни был подданный царицы, он считался ее рабом. Екатерина не была красивой женщиной – об этом говорят многочисленные портреты, да и отзывы современников. В ней не было ни ангельской красоты ее дочери Елизаветы, ни утонченного изящества Екатерины II. Широкая в костях, полная, загорелая, как простолюдинка, она казалась наблюдателям довольно вульгарной. С презрительным недоумением смотрела в 1718 году маркграфиня Вильгельмина Байрейтская на приехавшую в Берлин Екатерину: «Царица маленькая, коренастая, очень смуглая, непредставительная и неизящная женщина. Достаточно взглянуть на нее, чтобы догадаться о ее низком происхождении. Ее безвкусное платье имеет вид купленного у старьевщика, оно старомодно и покрыто серебром и грязью. На ней дюжина орденов и столько же образков и медальонов с мощами, благодаря этому когда она идет, то кажется,

что приближается мул». Но не будем излишне доверчивы к мнению этой язвительной женщины, к тому же она видела царицу десяти лет от роду. Сохранились также и другие свидетельства современников о Екатерине. Они запомнили, как изящно, ловко и весело танцевала прекрасно одетая Екатерина на балах, и лучшей пары, чем она с царем, трудно было и представить.

Наблюдатели поражались ее неутомимости, терпению и силе. Один из очевидцев рассказывал, как был посрамлен австрийский посланник, проигравший Екатерине на какой-то свадьбе состязание по подъему одной рукой тяжелого жезла свадебного маршала. Другой наблюдатель, Бассевич, услышал слова царя о том, что тот никак не надивится той легкости, с которой Екатерина превращается в царицу, не забывая при этом о своем происхождении. Вывод из всех этих наблюдений делает Бассевич такой: своими успехами в жизни Екатерина обязана «не воспитанию, а душевным своим качествам. Поняв, что для нее достаточно исполнять важное свое предназначение, она отвергла всякое другое образование, кроме основанного на опыте и размышлении».

Несомненно, Екатерина обладала природной гибкостью ума, тем чутьем, которое позволяло ей вести себя естественно, просто и достойно. До наших дней дошло более сотни писем Екатерины и Петра, и, хотя прошло уже больше двух с половиной веков, их трудно читать как просто исторические документы. От этих писем веет интимной теплотой, они несут в себе следы глубокого и взаимного чувства, которое связывало мужчину и женщину два десятилетия. Намеки и шутки, часто – почти непристойные, трогательные хлопоты о здоровье, безопасности друг друга и более всего – постоянная тоска и скука без близкого человека – вечная тема писем для всех любящих на свете. «Гораздо без Вас скучаю», «Для Бога приежайте скоряй, а ежели за чем невозможно скоро быть, отпишите, понеже не без печали мне в том, что ни слышу, ни вижу»... Такими признаниями пересыпаны письма царя. Да и Екатерина скучает без Петра. «Очень хорош, – пишет она об «Огороде» – Летнем саде, – Только без вас гулять неприятно, и почитаю к моему несчастью, что в сии времена лишилась давно с вами здесь веселитца». – «А что пишешь, – отвечает Он, – что скучно гулять адной, хотя и хорош сад, верю тому, ибо теж вести и за мною. Только моли Бога, чтоб уже сие лето было последнее в разлучении а впредь бы быть вместе». И Она вновь подхватывает эту тему в своем письме: «Токмо молим Бога: да даст нам, как по вашему намерению, чтоб сие лето уже в последние быть в такой разлучении и паки просим его Божескую милость, дабы совершил общее желание наше».

В 1717 году Петр, путешествуя за границей и мечтая сделать жене истинно королевский подарок, решил заказать в Брюсселе знаменитые кружева. Он написал ей об этом и просил прислать образец рисунка для брюссельских кружевниц. И Екатерина ответила, что ей ничего особенно не нужно, «только б [в] тех кружевах были зделаны имена – Ваше и мое, вместе связанные».

Мы не можем сказать, что жизнь Екатерины-царицы была безмятежна. Петр был человек тяжелого, недоброго характера, Екатерине все время приходилось думать о том, как сохранить его привязанность. Царь, в традициях того времени и в соответствии со своим темпераментом, не пропускал ни одной юбки и, как в прежние времена, возил с собой метресс. Екатерина нашла единственный удобный для себя способ поведения: она не преследовала мужа бесполезной ревностью, а... сама поставляла ему метресс. Восемнадцатого июня 1717 года Петр писал жене из Спа: «Иного объявить отсель нечего, только что мы сюды приехали вчерась благополучно, а понеже вовремя пития вод домашней забавы докторы употреблять запрещают, того ради я метрессу свою отпустил к вам, ибо не мог бы удержатца, ежели б при мне была». Третьего июля Екатерина отвечала, что отсылка метрессы, очевидно, не по требованию докторов, а потому, что та заболела нехорошей болезнью, «и не желала бы я (от чего Боже сохрани!), чтоб и галан (любовник. – Е.А.) той метрессишки таков здоров приехал, какова она приехала».

Но несравненно больше интриг с метрессами Екатерину беспокоило другое – будущее их детей. Шли годы, умирали одни дети, рождались новые (всего Екатерина родила одиннадцать детей). Официальным наследником престола все эти годы оставался царевич Алексей. Он родился в 1690 году, в восемь лет был разлучен с матерью, сильно переживал эту разлуку. Петр не любил старшего сына, он не вошел в новую семью царя, жил где-то особняком, без ласки и внимания. Екатерина также не привечала пасынка. В сотне писем Петра и Екатерины Алексей упоминается два-три раза, и ни в одном из писем ему нет даже приветов. Письма же самого Петра к юноше холодны, кратки и бесстрастны – ни слова одобрения, поддержки или ласки. Отец был вечно недоволен царевичем.

Алексей не был расслабленным и трусливым истериком, как порой изображают его в литературе. Сын своего великого отца, он унаследовал от него волю, упрямство и отвечал царю глухим неприятием и сопротивлением, которое никогда не вырывалось наружу, пряталось за демонстративным послушанием и формальным почитанием. Но это были враги.

В октябре 1715 года узел трагедии затянулся еще туже. К этому времени Алексей, по воле Петра, был уже давно женат на вольфенбюттельской принцессе Софии-Шарлотте, и 12 октября у нее родился сын, названный в честь деда Петром. Через шестнадцать дней царица Екатерина родила долгожданного мальчика, которого тоже назвали Петром. Он был здоровым и живым малышом. «Шишечка», «Потрошенок» – так зовут сына Петр и Екатерина в своих письмах. С Петром Петровичем были связаны все династические надежды родителей. Екатерина называет сына «Санкт-Петербургским хозяином», она верит, что будут еще дети.

В письме из Амстердама 3 июля 1717 года она сделала шутовскую приписку: «А что изволите... поздравлять именинами Старика и Шишечкиными (то есть с именинами самого царя и его сына-тезки. – Е.А.), и я чаю, что ежели б сей старик был здесь, то б и другая

шишечка на будущий год поспела». Даже из этого письма видно, что праздник именин не распространяется на третьего Петра – внука. Счастливые родители как бы забывают, что в Петербурге живет царевич Алексей – будущий хозяин России и его маленький сын – ровесник Шишечки.

Нет, Петр не забывал об этом – не в его характере было уходить от проблем, особенно когда шла речь о судьбе России. И мы видим по письмам царя к Алексею, что после рождения Шишечки претензии к старшему сыну становятся все серьезнее, обвинения все суровей. Петр требует от Алексея невозможного – «отменить свой нрав», стать другим, верным, усердным помощником в многотрудных делах царя. Иначе угрожает царь отсечь, как «уд гангреновый».

Эта угроза выдавала истинные и зловещие намерения Петра передать престол и «петербургское наследство» Шишечке, Алексей не должен быть ему соперником. Петр требует отречения царевича от прав на престол, ухода в монастырь. И на это согласен Алексей. Но нет покоя царю, он не доверяет сыну, и тот в страхе бежит за границу. Через несколько месяцев ложными обещаниями царь выманивает сына в Россию, где его ждут пытки, причем сам отец рвет у сына ногти в камере пыток, потом состоялся суд, который вынес сыну царя смертный приговор. Один из исполнителей этого приговора, Александр Румянцев, позже писал, что мочью 26 июня 1718 года Петр вызвал их и, обливаясь слезами, приказал тайно умертвить Алексея. Румянцев вспоминал, что когда он вошел в царские апартаменты, то увидел такую сцену: вокруг сидящего Петра стояли архиепископ Феодосии, Петр Толстой, его заместитель – Андрей Ушаков и... Екатерина.

Нам неизвестно, что она думала и говорила в этот страшный час, сделавший Петра, подобно Ивану Грозному, сыноубийцей. Конечно, Екатерина была рядом, чтобы облегчить тяжкий удел царя, приносившего ужасную жертву на алтарь Отечества – своего сына. Но не забудем, что в этот поздний час, неподалеку от комнаты, где собрались убийцы, мирно спал Шишечка, и кровь Алексея была нужна ей, Екатерине, – матери «Санкт-Петербургского хозяина». Кроме того, царица была беременна, и родители, вероятно, думали, что в августе 1718 года родится еще один сын (но тогда родилась дочь – Наталья). Убийство было совершено – царевича задушили в каземате Петропавловской крепости, Петр и Екатерина вздохнули свободно, проблема престолонаследия решилась: Петр Петрович был объявлен наследником престола. Он, умиляя родителей, подрастал. Но в апреле 1719 года супруги были потрясены страшным несчастьем – их радость, их надежда, милый Шишечка, проболев несколько дней, умер. Он не прожил и трех с половиной лет. Фундамент благополучия семьи дал глубокую трещину. Горе Екатерины было безмерно. Когда она сама восемь лет спустя умерла, то в ее вещах были найдены игрушки Шишечки. Канцелярский реестр трогателен: «Крестик золотой, пряжечки серебряные, свистулька с колокольчиками, рыбка стеклянная, готоваленка яшмовая, фузейка, шпажка (эфес золотой), хлыстик черепаховый, тросточка...»

На траурной молитве в Троицкой церкви Петербурга 26 апреля 1719 года произошло зловещее событие: один из присутствующих на похоронах – Степан Лопухин, родственник опальной царицы Евдокии, что-то сказал соседям и кощунственно рассмеялся. Потом в политической полиции свидетели показали, что Лопухин сказал: «Еще его, Степана, свеча не угасла, будет ему, Лопухину, впредь время!» На пытке Лопухин признался, что, говоря о своей горящей свече, имел в виду великого князя Петра Алексеевича.

Что могла противопоставить жестокой судьбе Екатерина? У нее были две прелестные дочери – Анна и Елизавета, в 1718 году у них появилась еще сестра – Наталья, но сына не было. Правда, в 1723 году Екатерина родила последнего ребенка – сына Петра. Но он почти тотчас по рождении умер. Возраст Екатерины по тем временам был предельно критический для рождения ребенка – почти сорок лет, и надежды получить наследника у супругов уже не было никакой.

Но царь боролся – он ни за что не хотел передавать престол внуку – сыну проклятого им Алексея. Пятого февраля 1722 года Петр подписал «Устав о наследии престола». Смысл его был для всех ясен: царь, нарушая традицию передачи престола от деда к отцу и внуку, закрепил за собой право назначить наследником престола любого из своих подданных. Это было самое яркое выражение самовластия – с этого момента царь распоряжался не только днем сегодняшним, но и днем завтрашним России. А 15 ноября 1723 года был обнародован манифест о предстоящей коронации Екатерины императорской короной. Сам Петр был провозглашен императором и Отцом Отечества раньше – 22 ноября 1721 года, в день празднования завершившего Северную войну Ништадтского мира. Наконец, в начале мая 1724 года Екатерина стала императрицей.

Произошло это в Успенском соборе московского Кремля, в присутствии всех высших чинов государства и при огромном стечении народа. Золото, бархат, персидские ковры, золотая парчовая дорожка, которая вела от царского места к святым вратам, – вся эта византийская роскошь сверкала в свете сотен свечей в тот день 7 мая 1724 года.

А потом был праздник – приемы, обеды, фейерверк, салют. В тот же день многие москвичи думали так же, как и голштинский придворный Берхгольц, записавший в своем дневнике: «Нельзя не подивиться Промыслу Божью, вознесшему императрицу из низкого состояния, в котором она родилась и прежде пребывала, на вершину человеческих почестей».

Берхгольц, как и почти все гости праздника, не знал главного – накануне коронации Петр разорвал старое завещание и написал новое, в котором назвал Екатерину своей наследницей. Это событие произошло в глубокой тайне, и лишь проникательный французский посол Кампредон, видя торжественную коронацию, понял истинное

значение происходящего под сводами собора: «Особенно примечательно то, что над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга». Хорошо известно, что Петр не готовил из Екатерины преемника, политика, в многочисленных письмах царя к жене нет и намека на то, чтобы он когда-нибудь обсуждал с женой политические дела. И вдруг такой резкий поворот – он делает свою скромную жену наследницей императорского престола!

«Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!» – так начинались десятки писем Петра к Екатерине. С годами эти письма становятся все теплее и сердечнее. В последние пять лет жизни Петра влияние Екатерины на мужа все усиливается. Она дает царю то, чего не может дать весь мир его внешней жизни, такой враждебной и сложной. Петр, человек суровый, подозрительный, преображается в присутствии Екатерины и детей. Гости ассамблей видели, как разгоряченный после очередного быстрого танца царь нежно целует свою жену. Они же вспоминали и поразительные сцены, когда Екатерина «изгоняла беса» из Петра.

Известно, что Петр был подвержен приступам глубокой хандры, которая нередко по малейшему поводу могла перейти в приступ бешеного, всепокрушающего гнева (известна история, как царь погнался с обнаженным кортиком и чуть было не убил пажа, который утром, снимая с царя ночной колпак, больно дернул его за волосы). Приступы гнева сопровождались судорогами лица, конвульсиями рук и ног. Басевич вспоминает, что, как только окружающие замечали первые признаки припадка (царь начинал трясти головой, кривить лицо), они бежали за Екатериной. Она тотчас приходила и уже издали начинала говорить мужу тихие ласковые слова, «звук ее голоса тотчас успокаивал его, потом она сажала его и брала, лаская, голову, которую слегка почесывала. Это производило на него магическое действие, и он засыпал за несколько минут. Чтобы не нарушить его сон, она держала его голову на своей груди, сидела неподвижно в продолжение двух или трех часов. После этого он просыпался совершенно свежим и бодрым».

Екатерине были известны пристрастия, причуды, человеческие слабости Петра, она, не имея образования, светского воспитания, была тонка, внимательна, умела угодить царю, понравиться, сделать ему приятное. Зная, как Петр расстраивался из-за получившего тяжелое повреждение корабля «Гангут», она писала уехавшему в поход царю, что «Гангут» после успешного ремонта «прибыл к брату своему «Лесно[м]у», и теперь они «стоят вместе, в одном месте, которых я своими глазами видела, и воистину радостно на них смотреть!». И Петр это очень ценил. В письме от 5 июня 1716 года из водного курорта Пирмонта он сообщал, что получил от Екатерины бутылку вина, «но чаю, что дух пророческой в тебе есть, что одну бутылку прислала, ибо более одной рюмки его не велят в день пить». Несомненно, Екатерина обладала даром знания Петра.

По письму Екатерины Петру 5 июля 1719 года мы можем судить, как умело царица подстраивается под образ мышления Петра. Рассказывая ему об одном трагическом происшествии в пригородном дворцовом парке Петергофа, она пишет: «Который француз делал новые цветники, шел он, бедненький, ночью чрез канал, и столкнулся с ним напротив Ивашка Хмельницкий (русский вариант бога вина Бахуса – Е.А.) и, каким-то побытком с того моста столкнув, послал на тот свет делать цветников». Здесь Екатерина воспроизводит присущий Петру жестокий юмор, его стиль отношения к людям.

Письма Петра к Екатерине теплы, но вместе с тем в них звучат нотки легкой грусти, скрытые подчас неуклюжей шуткой. А шутки все об одном: мы с тобой – неравная пара, ты молода, красива, а я уже стар, болен, что будет дальше? С ее стороны переписка более напоминает любовную игру: посмотри, ты еще силен, а значит, молод, у нас все еще впереди! Получив от жены посылку с нужными ему очками, Петр шлет в ответ украшения и сопровождает их словами: «На обе стороны достойныя презенты: ты ко мне прислала для вспоможения старости моей, а я посылаю для украшения молодости вашей». В другом письме, пылая жаждой встречи и близости, царь опять шутит: «Хочетца с тобою видетца, а тебе чаю горазда больше, для тово, что я в 27 лет был, а ты в 42 года не была». Екатерина не пропускает шутки мужа без внимания – она знает, что за этим стоит. И мы читаем в ее письмах милые обращения к «сердечному дружочку старику», мы видим, как она притворно возмущается и негодует: «Напрасно затеяно, что старик!» Она нарочито ревнует Петра то к шведской королеве, возле берегов которой плавает на корабле адмирал Петр Михайлов, то к парижским кокеткам, на что он отвечает с шутливой обидой: «Сего моменту письмо ваше, исполненное шуток, получил, а пишете, будто я скоряя даму сыщу, и то моей старости неприлично».

Эта шутливая игра в старика и молодую жену к 1724 году становится жизнью: ранее такая незаметная между супругами разница в двенадцать лет становится ощутимой, большой. Петр сильно сдает. Долгие годы беспорядочной, хмельной, неустроенной жизни, вечных переездов, походов, сражений и постоянной, как писал царь, «альтерации», душевного беспокойства, делали свое разрушающее дело – Петр стареет. Его терзают болезни – особенно урологические. Он жестоко страдает, все чаще ищет дорогу на водные курорты, где прилежно пьет минеральные воды, свято веря в их исцеляющую силу. Печальная старость стояла на пороге, но, как известно, человеческая душа всегда молода, и чувства царя к Екатерине не только не меркнут, но и разгораются. Летом 1718 года, как пылкий молодой любовник, с тревогой он пишет Екатерине; «Пятое сие письмо пишу к тебе, а от тебя только три получил, к чему не без сумнения о тебе, для чего не пишешь. Для Бога, пиши чаще».

И вот одно из последних писем – от 26 июня 1724 года Екатерина находилась еще в Москве после коронации, Петр уже приехал в Петербург, стояло теплое лето, цвели клумбы в Летнем саду, но нет покоя царю в его «парадизе»: «Только в палаты как войдешь, так бежать хочетца – все пусто без тебя...» Такие острые, отчаянные чувства всегда делают человека беззащитным против корысти. Пользуясь любовью Петра,

Екатерина сумела уговорить царя порвать составленное после смерти Шишечки завещание, в котором стояло имя старшей дочери Анны, и поставить новое имя – ее, Екатерины. Одновременно царица спешит выдать старшую дочь, по иронии судьбы ставшую ее соперницей на пути к трону, за приехавшего жениха – Карла Фридриха, герцога Голштинии. Петр долго раздумывает, все тщательно взвешивает – ведь такой брак может серьезно сказаться на всей политической ситуации на Балтийском море. Он колеблется, не говорит ни да, ни нет. Но в одном он уже уверен – Екатерина вносится в завещание, и ее торжественно коронуют в Москве. Петр летом 1724 года возвращается в Петербург и с нетерпением ждет жену, а она не спешит – дело сделано!

Осенью 1724 года Петр внезапно узнает об измене жены, становится ему известно и имя любовника. Он молод и красив, и все годы он был рядом с царем. В 1708 году Петр приблизил к себе миловидного юношу Виллима Монса, младшего брата Анхен. Зачем это сделал Петр, мы не знаем, но я думаю, что, так и не забыв свою первую любовь, царь хотел видеть рядом с собой того, чье лицо напоминало бы ему дорогие черты Анхен. С 1716 года Виллим становится камер-юнкером Екатерины и делает, благодаря своему обаянию и деловитости, быструю карьеру: его назначают управлять имениями царицы, он становится камергером двора. Этот молодой человек, который, по словам датского посланника Вестфалена, «принадлежал к самым красивым и изящным людям, когда-либо виденным мною», и стал любовником Екатерины.

Когда осенью 1724 года Петру принесли донос на злоупотребления и взятки Монса по службе, он еще ничего не подозревал. Но взятые при аресте камергера бумаги раскрыли ему глаза: среди пошлых стишков, любовных записочек от разных дам были десятки подбострастных, униженных писем первейших сановников империи: Меншикова, Ягужинского, Головкина. Все они называли Монса «благодетелем», «патроном», «любезным другом и братом» и дарили ему бесчисленные дорогие подарки, делали подношения деньгами, вещами, даже деревнями! Нетрудно понять, в чем секрет столь могущественного влияния камергера императрицы-наследницы российского престола.

Девятого ноября арестованный Монс был приведен к следователю. Им был сам Петр – это дело он уже не мог доверить никому. Говорят, что, глянув царю в глаза, Виллим Монс упал в обморок. Этот статный красавец, участник Полтавского сражения, генерал-адъютант царя, не был человеком робкого десятка. Вероятно, он прочел в глазах Петра свой смертный приговор.

Не прошло и нескольких дней после допроса, как Монс был казнен на Троицкой площади по приговору суда, обвинившего бывшего камергера во взятках и прочих должностных преступлениях. Такие дела тянулись обычно месяцами и годами. Все знали, в чем сокрыта истина. Столица, помня кровавое дело Алексея, в 1718 году втянувшее в свою орбиту десятки людей, оцепенела от страха.

Но Петр не решился развязать террор. Жестким наказаниям подверглись лишь ближайšie сподвижники измены жены – те, кто носил записочки, охранял покой любовников. Некоторые современники этих событий сообщают, что Петр устраивал Екатерине шумные сцены ревности, бил венецианские зеркала. Другие, напротив, видели царя в эти страшные дни веселым и спокойным, по крайней мере – внешне. Известно, что Петр, часто несдержанный и импульсивный, умел в час испытаний держать себя в руках.

На Екатерину не была наложена опала. Как и раньше, она появляется на людях с мужем, но иностранные дипломаты замечают, что императрица уже не так весела, как прежде.

Кампредон писал во Францию, что царь стал подозрителен, он «сильно взволнован тем, что среди его домашних и слуг есть изменники. Поговаривают о полной немилости князя Меншикова и генерал-майора Мамонова, которому царь доверял почти безусловно. Говорят также о царском секретаре Макарове, да и царица тоже побаивается. Ее отношения к Монсу были известны всем, и хотя государыня всеми силами старается скрыть огорчение, но оно все же ясно видно на лице и в обхождении ее. Все общество напряженно ждет, что с ней будет».

Дело с изменой Екатерины было серьезнее других. И суть его – не только в супружеской неверности. Петра наверняка волновало другое – он, думая о будущем, возможно ощущал свое беспредельное одиночество, глубокое равнодушие окружающих к тому делу, которому он посвятил жизнь и которое теперь может пойти прахом: кто после его смерти будет править страной?

Петр уничтожил завещание в пользу Екатерины, подписанное накануне торжества в Успенском соборе. На следующий день после допроса Монса он послал вице-канцлера А.И. Остермана к голштинскому герцогу Карлу Фридриху – Петр давал согласие на заключение брачного контракта. 24 ноября контракт был подписан. Царь отдавал за Карла Фридриха шестнадцатилетнюю Анну, и, согласно брачному контракту, будущие супруги отрекались за себя и за своих потомков от всяких притязаний на русский престол. Одновременно был подписан и тайный договор, согласно которому Петр получал право забрать в Россию своего внука, который родится от брака дочери и герцога (это могло произойти даже вопреки воле родителей), чтобы сделать его наследником русского престола. В этом-то и состоял новый династический план Петра. Брачным контрактом с голштинцами он решал важную задачу: теперь после его смерти к власти должен был прийти не великий князь Петр Алексеевич – возможный мститель за гибель своего отца, и не жена-изменница, а сын любимой дочери Анны. Пятидесятидвухлетний царь явно рассчитывал прожить еще несколько лет и увидеть внука. Это было вполне реально – ведь 10 февраля 1728 года Анна и в самом деле родила мальчика Карла Петера Ульриха, впоследствии ставшего русским императором Петром III.

Смерть Петра потрясла Россию. Закончилось не только долгое тридцатипятилетнее царствование, уходила в прошлое целая эпоха русской истории, время реформ, головомозжительных изменений во всех сферах жизни страны. Берхгольц записал в своем дневнике, что все гвардейцы рыдали в ту ночь, как дети. «В то утро не встречалось почти ни одного человека, который бы не плакал или не имел глаз, опухших от слез». Екатерина распорядилась, чтобы каждый житель Петербурга мог проститься с великим покойником, на сорок дней тело Петра выставить в траурном зале Зимнего дворца. Людей было так много, что несколько раз пришлось менять протертое тысячами ног черное сукно дорожки. По многу часов подряд возле гроба сидела Екатерина, и слезы не просыхали на ее глазах. Ее горе видел весь Петербург, и в этом была не только необходимая власти публичная печаль безутешной вдовы – Екатерина действительно страдала. Четвертого марта пришла новая беда – от кори умерла младшая дочь царевна Наталья. Ей было шесть лет. Маленький гробик царевны был также выставлен неподалеку от гроба отца.

Наконец наступил последний день прощания. Десятого марта 1725 года народ повалил на Дворцовую набережную, к Зимнему дворцу Петра. Не было человека из многотысячных толп стоящих вдоль набережной и на мосту через Неву, который бы остался равнодушен к этому торжественному и мрачному зрелищу. Все шумы и звуки время от времени заглушались пушечной стрельбой. Эти залпы производили особенно гнетущее впечатление на присутствующих: на протяжении всей многочасовой церемонии раздавались мерные – через минуту – выстрелы с бастионов Петропавловской крепости. Удары этого гигантского метронома разливали во всех, как писал позже Феофан Прокопович, «некий печальный ужас». Уже при свете факелов гроб внесли в деревянную церковь, стоящую около недостроенного Петропавловского собора. Надо всем возвышалась уже готовая огромная колокольня собора со шпилем и часами, а сами стены собора поднялись только на высоту человеческого роста. Это был тоже символ петровской России – «недостроенной храмины», как назвал ее позже Меншиков.

У гроба Петра Феофан Прокопович произнес яркую, выразительную речь, позже вошедшую во все учебники красноречия. Речь необыкновенно искусна, в ней священник призывает русских людей оглянуться, оценить величие человека, которого хоронит в этот час Россия, и всегда помнить, что славу и богатство страны нужно приумножать, укреплять. Обращаясь к стоящей у гроба Екатерине, Феофан восклицает: «Мы видим в тебе его помощницу в жизни... весь мир есть свидетель, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру».

Но Екатерина безутешна, ее с трудом оттаскивают от тела мужа, гроб закрывают и оставляют под караулом до конца строительства Петропавловского собора. Лишь летом

1732 года, после освящения собора, гроб с прахом Петра был перенесен в усыпальницу под полом. Тогда же рядом поставили и гроб самой Екатерины, пережившей мужа всего на два года...

Придя к власти, Екатерина I изо всех сил стремилась показать, что ее правление будет гуманным (были освобождены многие опальные сановники и преступники) и что все останется как и при Петре. Действительно, сохранялись все принятые при Петре традиции и праздники. Весной 1725 года был спущен на воду большой новый корабль, заложенный еще Петром. Он назывался «Noli me tangere» – «Не тронь меня». Спуски кораблей с Адмиралтейской верфи, расположенной на берегу Невы, в центре города, были любимым делом Петра – прекрасного корабельного плотника. Обычно он сам руководил всей ответственной и символичной церемонией спуска нового корабля.

Весной 1725 года было так, как и при Петре. Императрица смотрела на церемонию с барки, стоявшей напротив Адмиралтейства, развевались флаги и вымпелы, грохотали пушки, корабль благополучно вошел в родную стихию. Екатерина объехала вокруг него дважды, подняла первый бокал за счастье «сынка», дала знак продолжать пир и уехала домой. Петровские праздники на новых кораблях превращались, как правило, в страшные многодневные попойки, с которых царь долго не отпускал перепившихся, измученных гостей. Теперь главного тамады уже не было, все торжество прошло тихо и быстро закончилось – уже в девять вечера все разъехались.

Короткое царствование Екатерины I славно в истории России открытием Российской Академии наук. Петр, задумавший это дело, не успел его закончить – целый год ушел на переписку с границей, ведь в России не было тогда ни одного профессионального ученого. Их всех пришлось приглашать из Германии, Франции и других стран. Императрица приняла первых академиков и благосклонно выслушала речь на латыни профессора Якоба Германа. Он приветствовал императрицу как продолжательницу великого просветительского дела Петра. Неграмотная лифляндская крестьянка, сидевшая на троне, ни слова не понимала по-латыни, но согласно кивала, изредка поглядывая на стоявшего рядом неграмотного же фельдмаршала, члена Британского королевского общества светлейшего князя Меншикова.

С первых же дней царствования Екатерины именно Меншиков стал главным человеком в правительстве. Он сыграл решающую роль при вступлении Екатерины на престол и теперь хотел получить все сполна: власть, почет, деньги, титулы и чины. Смерть Петра освободила Меншикова от вечного страха наказания за многочисленные проступки и воровство. Теперь он был свободен! И тотчас же в нем проявились те черты характера, которые он,

хотя и тщетно, скрывал при жизни быстрого на расправу царя: жадность, безмерное честолюбие, дерзкая уверенность в своем праве сильного подавлять других людей. Сопrotивление Меншикову пытался оказать Павел Ягужинский – первый человек в Сенате. В его руки попадало немало документов, позволявших делать выводы о неблагоприятных деяниях Меншикова, и Ягужинский спешил изобличить его. Безобразные ссоры двух первейших сановников доставляли удовольствие камарилье и искреннее огорчение царице. За ссорами Ягужинского и Меншикова внимательно наблюдал П.А. Толстой. Он вел свою тонкую линию, стремясь приучить императрицу советоваться с ним, опытным и беспристрастным политиком. Его обстоятельные, хитроумные доклады порой завораживали царицу, а порой нагоняли на нее сон. Все остальные сановники оставались статистами и отдыхали после десятилетий непрерывной работы, которую им навязал царь-реформатор. Более того, некоторым не особенно умным людям из окружения Екатерины показалось, что теперь они могут не особенно церемониться и с самой государыней, чья мягкость и беспечность разительно отличалась от стиля правления Петра.

Таким глупцом оказался крупнейший церковный деятель архиепископ Феодосий, позволивший себе публично и весьма неодобрительно высказаться о персоне Екатерины и заведенных при ее дворе порядках. Строптивное поведение ранее послушного и угодливого церковного иерарха было воспринято как бунт. Так же скоро, как и при Петре, было организовано следствие, суд, который приговорил Феодосия к смерти. Екатерина продемонстрировала свое великодушие: заменила Феодосию смертную казнь заточением в монастырской тюрьме. Впрочем, это оказалось страшнее смертной казни на эшафоте. Феодосия замуровали в подземную тюрьму в дальнем северном монастыре под Архангельском. Через узкое окно ему подавали хлеб и воду. В холоде, грязи и собственных нечистотах вчерашний преуспевающий церковник прожил несколько месяцев и в феврале 1726 года умер без покаяния и доброго человеческого слова. Так умирали десятки несогласных с официальной религией людей, которых в дни своего могущества Феодосий отправлял в такие же каменные мешки. Женщина, сидевшая на троне, показала всем, что и в слабых женских руках самодержавная власть в России остается непререкаемой и никому не будет позволено пренебречь ею. В этом состояло поразительное своеобразие всего российского XVIII века – слабость и даже недееспособность правителя еще не означала слабости режима, всей структуры власти самодержавия.

И все же императрица остро нуждалась в посторонней помощи – ведь нужно было регулярно заниматься делами, к которым Екатерина была не способна. В феврале 1726 года был образован новый высший орган власти, Верховный тайный совет, который взял на себя всю тяжесть текущей правительственной работы. Его составили виднейшие деятели царствования: Меншиков, Головкин, Толстой, князь Д.М. Голицын, А.И. Остерман, Ф.М. Апраксин и зять императрицы – голштинский герцог Карл Фридрих. Возглавляла Совет сама императрица. В учредительном указе наивно говорилось, что Совет создавался «при боку нашем не для чего иного, как только для облегчения и помощи советами и подачей беспристрастных мнений по всем государственным делам». Более ясно расписаться в собственной недееспособности императрице было невозможно. После

первых заседаний Екатерина перестала посещать скучные бдения министров и лишь подписывала подготовленные ими указы.

А министрам становилось все труднее и труднее. Дела, ответственные и серьезные, обрушились на них. Раньше, когда был Петр, в его голове размещалась вся лаборатория реформ, он был высшим гарантом всего, что делалось в стране, на его плечах лежала ответственность за все действия государства. Теперь Петра не стало, и оставленный им государственный свод тяжким грузом лег на плечи его сподвижников.

Самое важное, что выяснилось после смерти Петра, было то, что страна уже не может больше жить так, как ей предписывал Петр. Десятилетия непрерывных войн, многочисленные преобразования, гигантские налоги и повинности разорили крестьянство, купцов. Сотни тысяч крестьян, бросив дома, бежали на юг – в донские степи, за польскую границу, в Сибирь – подальше от жестокого сборщика налогов. В столицу стекалась информация, которая говорила об огромном росте недоимок в сборах налогов, о запустении целых деревень, о голоде, охватившем многие уезды страны. Одним словом, знание реального положения вещей в стране неумолимо толкало новых правителей к изменению прежней – петровской – политики. Правительство Екатерины руководствовалось принципом: «*Petrus erat magnus monarcha, sed jam non est*» – «Петр был великий монарх, но его уже нет». Он не мог предусмотреть всех последствий реформ, он, наконец, мог ошибаться! – так Меншиков и другие объясняли себе и другим мотивы отказа от петровских преобразований и проектов. Многим казалось это невероятным – не успел царь закрыть глаза, как сразу же стали свертаться идола, которым поклонялись десятилетия.

Но к этому верховников толкала жестокая необходимость: нужно было сокращать расходы, уменьшать налоги, отказаться от многих амбициозных проектов, которые были не по силам разоренной стране. На первый план вышли и проблемы сокращения армии и чиновничества, облегчения условий торговли. В Совете шли непрерывные жаркие дискуссии, готовились на подпись царице указы. Бешеный ритм преобразований вдруг замедлился.

Отменяя петровские реформы, приостанавливая исполнение грандиозных планов Петра, верховники руководствовались не только государственной необходимостью и целесообразностью. Они сознательно строили свою политику на критике петровских принципов – ведь критиковать предшественников легче всего, это позволяло заработать политический капитал, понравиться тем, кто был противником преобразований. Они думали не столько о стране, сколько о себе, своей власти, месте у подножия трона, на котором сидела Екатерина.

Иностранные дипломаты, зорко наблюдавшие за переменами при русском дворе, единодушны в своих оценках – после смерти Петра Екатерина стала другим человеком. Следа не осталось от скромной, домовитой хозяйки петровского дома в Летнем саду. Все времяпровождение Екатерины заключалось в откровенном прожигании жизни, которую она превратила в постоянный праздник. Балы на открытом воздухе сменялись танцами в залах дворцов, обильные застолья шли на смену веселым пикникам за городом, а путешествия в лодках по Неве сочетались с ездой по улицам Петербурга. Кампредон замечал уже весной 1725 года, что траур по царю соблюдается формально. Екатерина частенько бывала в Петропавловском соборе, у гроба супруга, плакала, но вскоре пускалась в кутежи. «Развлечения эти заключаются в почти ежедневных продолжающихся всю ночь и добрую часть дня попойках в саду с лицами, которые по обязанности службы должны всегда находиться при дворе», – писал французский дипломат.

Вкусы императрицы были не очень высокого свойства. Из петровских уроков она лучше всего усвоила его довольно вульгарные развлечения. Известно, что у Петра был своеобразный клуб пьяниц – «всепьянейший собор», все ритуалы которого строились на воспевании бога пьяниц Бахуса и его верных жрецов, среди которых был и сам император. Меры в частых попойках «всепьянейшего собора» не было никакой. Екатерина полностью восприняла эту традицию. Главной «героиней» пооек при ее дворе стала княгиня Настасья Голицына – старая горькая пьяница и шутиха. В придворном журнале Екатерины мы читаем, что императрица, Меншиков и другие сановники обедали в зале и пили английское пиво, «а княгини Голицыной поднесли другой кубок, в который Ее величество изволила положить 10 червонцев». Это значит, что получить золотые монеты Голицына могла, только выпив огромный кубок целиком. По записям в книге видно, что княгиня была стойким и мужественным борцом с Ивашкой Хмельницким, но бывали и неудачи – Ивашка оказывался сильнее, и под общий смех присутствующих княгиня замертво валилась под стол, где уже дремало немало других неосторожных гостей императрицы. Надолго в Петербурге запомнили и развлечения Екатерины в ночь на 1 апреля 1726 года, когда было приказано по всему Петербургу ударить в набат. Как только перепуганные полуодетые петербуржцы выскочили на ночные улицы, они узнали, что так их поздравляют с днем смеха. Безобразные попойки были тайными для большинства подданных. По праздникам Екатерина предстала перед ними во всем блеске и красоте. «Она была, – пишет французский дипломат, видевший императрицу на Праздник Водосвятия, – в амазонке из серебряной ткани, а юбка ее обшита золотым испанским кружевом, на шляпе ее развевалось белое перо». Екатерина ехала в роскошном золотом экипаже в окружении блестящей свиты мимо толп зевак. «Виват!» – кричали стоявшие на площади полки, стреляли пушки, перед ней склонялись до земли знамена и головы... Могущество, слава, восторг подданных – о чем еще можно мечтать?

Но нет! Иногда императрица, насладившись славой, спускалась в дворцовую кухню и, как вежливо записано в том же журнале, «стряпала на кухне сама». В начале 1726 года императорский двор гудел от сплетен и пересудов – неожиданно началось «нашествие» родственников императрицы из Лифляндии. Об их существовании знали давно. Еще в 1721 году в Риге к Петру и Екатерине, смущая придворных и охрану своим деревенским видом,

пожаловала крепостная крестьянка Кристина Скавронская, которая утверждала, что она родная сестра царицы. Так это и было. Екатерина поговорила с ней, наградила деньгами и отправила домой. Тогда же Петр распорядился отыскать и других родственников жены, разбросанных по стране войной. Всех их было приказано держать под присмотром и запретить им афишировать свое родство с императрицей. В этом смысле демократичный в обращении Петр знал меру, и те милости и блага, которыми он осыпал саму Екатерину, он не собирался распространять на ее семью. Крестьянские родственники Екатерины могли нанести ущерб престижу династии, бросить тень на их детей. Екатерина, придя к власти, долго не вспоминала о своей родне, но те сами напомнили о себе – вероятно, они решили действовать, когда до них докатилась весть о вступлении Екатерины на престол. Рижский губернатор князь А.И. Репнин сообщил в Петербург, что к нему пришла крестьянка Кристина Скавронская и жаловалась на притеснения, которым подвергал ее помещик. Кристина сказала, что она сестра императрицы.

Екатерина была поначалу явно смущена. Она распорядилась содержать сестру и ее семейство «в скромном месте и дать им достаточное пропитание и одежду», а от помещика взять под вымышленным предлогом и «приставить к ним поверенного человека, который мог бы их удерживать от пустых рассказов», надо полагать – о трогательном босоногом детстве нашей героини. Однако через полгода родственные чувства пересилили все остальные, и семейство Скавронских доставили в Петербург, точнее – в пригородный дворец – Царское Село, подальше от любопытных глаз злопыхателей. Можно себе представить, что творилось в Царскосельском дворце! Родственников было очень много. Кроме старшего брата Самуила, прибыл средний брат Карл с тремя сыновьями и тремя дочерьми, сестра Кристина с мужем и четырьмя детьми, сестра Анна также с мужем и двумя дочерьми – итого не меньше двух десятков нахлебников. Оторванные от вил и подойников, деревенские родственники императрицы еще долго отмывались, учились приседать, кланяться, носить светскую одежду. Разумеется, научить их русскому языку было некогда, да это было и не важно – все они в начале 1727 года получили графские титулы, а также большие поместья и стали сами богатыми помещиками. Правда, сведений об особой близости семейства с императрицей не встречается.

Зато такая близость у императрицы возникла с камергером графом Густавом Левенвольде, ловким, симпатичным человеком, чем-то напоминавшим покойного Виллима Монса. Наступили другие времена, прятать свои увлечения не было смысла, и Екатерина ни днем, ни ночью не отпускала от себя молодого любовника. Но и он порой был не в силах выдержать бешеный ритм жизни двора. Французский дипломат Маньян сообщал, что Меншиков и Бассевич навели нежного друга императрицы, который «утомился от бесконечных пиршеств». Впрочем, для Меншикова – опытного царедворца – стало ясно, что такой образ жизни императрицы к хорошему не приведет. Об этом упрямо говорили факты: то было известно, что императрица «в отличном настроении, ест и пьет, как всегда, и, по обыкновению, ложится не ранее четырех – пяти часов утра», то вдруг празднества и кутежи резко обрывались, Екатерина не вставала с постели. Ее стали одолевать болезни. Она уже не могла, как раньше, отплясывать всю ночь напролет – пухли ноги, мучили

удушья. Частые приступы лихорадки не позволяли выходить из дому. Но, преодолевая себя, она все же выходила из спальни, ехала, плясала, пила, чтобы потом снова слечь в постель. Как будто чувствуя близкий конец, Екатерина уже не дорожила жизнью, здоровьем, решила пустить по ветру все, что у нее осталось.

В начале 1727 года Меншиков напряженно размышлял не столько о здоровье императрицы-вахханки, сколько о своем завтрашнем дне. Что будет с ним, если после смерти Екатерины на престол вступит великий князь Петр, дорогу которому к престолу в 1725 году преградил именно он, Меншиков? Князю стало ясно, что не нужно бороться с судьбой – пусть Петр II будет на престоле деда. Но нужно сделать так чтобы он попал туда при содействии Меншикова, будучи уже его зятем или, по крайней мере, женихом одной из его дочерей. У князя Меншикова было две дочери, Александра и Мария. Младшая – Мария, была помолвлена с польским аристократом Петром Сапегой, юношей изящным и красивым. Между молодыми людьми завязалась нежная дружба. Но императрица Екатерина как-то высмотрела в толпе придворных миловидного Сапегу и благосклонно ему кивнула. Этого было достаточно, чтобы Меншиков вступил в торг со своей старинной подругой: в обмен на свободу помолвленного с Марией Сапеге он просил дать дочери замену – разрешить помолвить ее с двенадцатилетним великим князем Петром. Именно о такой «мене» и писал осведомленный датский посланник Вестфален: «Государыня прямо отняла Сапегу у князя и сделала его своим фаворитом. Это дало Меншикову право заговорить с государыней о другой приличной паре для своей дочери – с молодым царевичем. Царица была во многом обязана Меншикову – он был старым другом ее сердца. Это он представил ее – простую служанку – Петру, затем немало содействовал решению государя признать ее супругой». Нет, не могла Марта отказать другу Алексашке!

Хитрый план Меншикова очень не понравился ветеранам переворота 28 января 1725 года. Светлейший князь, добиваясь брака своей дочери с Петром, которого он одновременно делал и наследником престола, бросал на произвол судьбы тех, кто в 1725 году помог ему возвести на престол Екатерину. Особенно обеспокоился П.А. Толстой. В руках начальника Тайной канцелярии были многие потайные нити власти, и вот одна из них задергалась и натянулась – Толстой почувствовал опасность: приход к власти Петра II означал бы конец для него, неумолимого палача и убийцы отца будущего императора – царевича Алексея. Тревожились за свое будущее и прочие сановники – генерал Иван Бутурлин, приведший в ночь смерти Петра ко дворцу гвардейцев, генерал-полицмейстер Антон Девиер и другие. Они ясно видели, что Меншиков перебегает во враждебный им лагерь сторонников великого князя Петра и тем самым предает их. Толстой и дочери Екатерины, Анна и Елизавета, умоляли императрицу не слушать Меншикова, оформить завещание в пользу Елизаветы, но императрица, увлеченная Сапегой, была непреклонна. Да и сам Меншиков не сидел сложа руки. Он действовал, и притом очень решительно. Как-то в разговоре с Кампредоном о Толстом он был откровенен: «Петр Андреевич Толстой во всех отношениях человек очень ловкий, во всяком случае, имея дело с ним, не мешает держать добрый камень в кармане, чтобы разбить ему зубы, если бы он вздумал кусаться».

И вот настал час, когда Меншиков достал свой камень: Толстой, Девиер, Бутурлин и другие недовольные его поступками были арестованы, обвинены в заговоре против императрицы. Меншиков отчаянно спешил: «заговорщики» были допрошены 26 апреля 1727 года, а уже 6 мая Меншиков доложил Екатерине об успешном раскрытии «заговора». Она, по его требованию, подписала указ о ссылке Толстого и других. Это происходило всего за несколько часов до смерти императрицы. Меншиков торжествовал победу. Но тогда, в мае 1727 года, он не знал, что это была пиррова победа, что судьба Толстого вскоре станет его, Меншикова, судьбой, и оба они умрут в один год – 1729-й: Толстой в каземате Соловецкого монастыря, а Меншиков – в глухом сибирском городке Березове.

«Государыня до того ослабла и так изменилась, что ее почти нельзя узнать», – писал в середине апреля 1727 года Маньян. Всех поразило, что она не пришла даже в церковь в первый день Пасхи и не было пиршества в день ее рождения. Это было совсем не похоже на нрав веселой вакханки. Дела ее были плохи. Меншиков не выходил из дворца. Расправляясь со своими прежними друзьями, он заботился о том, чтобы было готово вовремя завещание царицы, согласно которому наследником престола становился будущий зять Меншикова – великий князь Петр.

Нам неизвестно, чем болела Екатерина, – скорее всего, у нее была скоротечная чахотка. Приступы удушающего кашля, полного бессилия сменялись всплеском лихорадочной активности, беспричинного веселья. Сорокатрехлетняя, ранее пышущая здоровьем женщина не верила в приближение конца. Ее утомляла поднятая вокруг ее завещания суета, она всех отсылала к Меншикову и, не глядя, подписывала все бумаги, которые он ей подавал. Незадолго до смерти она вздумала прокатиться по улицам Петербурга, на которых царила солнечная весна, но вскоре повернула назад – не было сил даже ехать в карете...

Существует легенда о кончине Екатерины. Незадолго до смерти она рассказала сон, который ей запомнился. Она сидит за пиршественным столом в окружении придворных. Вдруг появляется тень Петра. Он манит своего «друга сердечного» за собой, они улетают, как будто в облака. Екатерина бросает последний взгляд на землю и отчетливо видит своих дочерей окруженных шумной, враждебной толпой. Но уже ничего не поправишь. Надежда только на верного Меншикова – он не оставит их в беде... Шестого мая 1727 года в девять часов вечера Екатерина умерла. Волшебная сказка о лифляндской Золушке закончилась.